

В школе мне пришлось работать и с пионерами. Сборы я проводил торжественно, с барабаном и горном, при развернутом знамени. Все ученики, кроме первоклассников, стали пионерами, носили галстуки с красивыми зажимами. Я сам показывал пример — носил красный галстук на темно-синей рубашке.

ШУМОВОЙ ОРКЕСТР ЧЕРЕМИШЕВСКОЙ ШКОЛЫ

1936 год - я уже учитель в Черемисшеве. Работал я там довольно напряженно, вел два класса — второй и четвертый. В ноябре—декабре я много сил потратил на подготовку детской художественной самодеятельности для показа на районной олимпиаде. Недалеко от клуба жил сельский гармонист Гани. Он с охотой согласился подготовить музыкальные номера и аккомпанировать. Но не бесплатно. Я договорился с председателем колхоза Коньковым, который доводился родственником моей матери, о том, чтобы за два месяца работы заплатить гармонисту натурой: три пуда муки и пуд пшена. И вот мы с ним до поздней ночи в клубе готовили хор, шумовой оркестр, коллективные татарские пляски «Алиля», «Атня» и другие танцевальные номера. Оказалось, что у нас есть мальчик, играющий на самодельной скрипке. И вот, во время каникул, всех участников детской районной олимпиады собрали в клубе района. Мы сильно волновались. С нами приехали директор школы Мухаммед Секаев и учительница Фатима Янгляева, моя будущая жена.

Выступление нашего коллектива превзошло все ожидания. Наша школа заняла первое место и получила в качестве приза десять пар лыж, а скрипач — новую фабричную скрипку. Жюри приняло решение — направить наш коллектив на республиканскую олимпиаду. Морозным январским днем на десяти подводах поехали в Саранск. Запрягли в лучшие сани лучших лошадей, на которых разъезжали руководители колхоза и села, в других колхозах позаимствовали сани со спинками, детей укутали в тулупы. На другой день все участники республиканской олимпиады собрались в драматическом театре, и начались выступления, которые продолжались два дня. Самым лучшим нашим номером, по решению жюри, было выступление шумового оркестра. Место мы заняли по совокупности — второе. В награду получили полный комплект шумового оркестра — несколько балалаек и мандолин, барабан, всякие предметы для создания эффекта в оркестре. Скрипача наградили ботинками. Домой вернулись в приподнятом настроении. Около клуба нас встречали односельчане. Это было небывалое в истории села событие.

Участвовали мы и на олимпиаде колхозников. Опять же нашей козырной картой был шумовой оркестр — с уже более совершенными инструментами он походил на струнный оркестр. В основном были колотушки, ложки, гребешки, бутылки с различным уровнем заполнения водой и те предметы, которые мы получили в награду в Саранске. В оркестре участвовало человек тридцать. Под руководством завуча Усмана Казакова разучивали коллективные пляски, хором руководила жена директора школы. Нас наградили патефоном. В условиях того времени это был очень ценный подарок. В селе ни у кого не было патефона. Слушать татарские песни потом приходили и молодые и

старые.

Сохранились в памяти и гулянья на лугу. В мае и июне на игрища собиралась молодежь, приходили почти все учителя. Танцевали «краковяк», «переходный танец», польку. Мой двоюродный брат Абубакяр Альмяшев работал инструктором Лямбирского райкома ВЛКСМ, но домой ходил каждый день, чтобы не пропустить эти игры и хороводы. Старался одеваться чисто. Как-то мы собрались на лужайке в ожидании остальных. Подошел Усман Казаков и сразу зацепил Абубакяра: «Что это ты, братишка, брюки просил на один вечер, а носишь целую неделю. Нехорошо». У нашего Абу отнялся язык, он покраснел, как вареный рак, и, стиснув зубы, чуть не ударил обидчика. А тот сразу засмеялся, похлопал его по плечу и подал руку, чтобы поздороваться, как будто и не было ничего. Стоящие вокруг люди долго смеялись над этой шуткой. А каково было Абу?

... Не забуду 1937 год. Были арестованы директор школы Мухаммед Секаев, завуч Усман Казаков. Через шесть месяцев Казаков вернулся, а Секаев пропал без вести.

Пионерлагерь в Хуторе Лопатино

В начале мая меня направили на учебу в Саранск – на курсы подготовки начальников пионерских лагерей. Передав свой класс Усману Якубову, я поехал на курсы. Уже через месяц мне пришлось заниматься организацией пионерлагеря. Мы с заведующим отделом пионеров РК ВЛКСМ товарищем Дудко готовили разнарядки, закупали имущество для лагеря. На полученный от колхозов аванс я приобрел патефон с пластинками, горн и барабан, флажки для звеньев. Еще мы купили гитару, мандалину и две балалайки. С помощью комсомольцев Хутора Лопатино соорудили спортгородок. Через Осоавиахим приобрели для временного пользования противогазы, мелкокалиберную винтовку и учебные плакаты.

Старшим пионервожатым, руководителем физкультуры и массовиком утвердили учительницу Щербаковской начальной школы Альмиру, Аббяса Шикиляева и студентку музыкального училища Нину Антонову. Завхозом был Гриша Каржевский. Поваром и посудомойкой наняли жительницу Хутора. В основном, в Хуторе жили переселенцы с Украины. Колхоз владел постройками и садами бывшего помещика. Вокруг Хутора раскинулись леса, парки, сады, на красивом, ухоженном пруду молодежь по вечерам проводила досуг. Другого такого хорошего места для отдыха пионеров было не сыскать. Конечно, проблем хватало, доставать деньги и продукты оказалось труднее, чем мы предполагали. Да еще в середине лета утонул вместе с лошадью завхоз Гриша. Его место занял его брат Михаил. В районо грозились взыскать с меня стоимость лошади, но вмешался товарищ Исеев и дело закрыли. Из колхоза выделили другую лошадь. Но бытовые проблемы не должны были заслонять главное – пионерскую жизнь: военизированные игры, физкультурные занятия, прогулки в лес, пионерские костры по вечерам. На костер приглашались руководители района Исеев и Ямбушев, председатель райисполкома Мансуров. Мои пионеры хором пели, читали стихи, показывали акробатические номера.

Мой одноклассник Нясрулла Алукаев

С пионерлагерем я был связан несколько лет. В 1939 году я недолго был заведующим отделом пионеров РК ВЛКСМ.

Тогда начальником пионерлагеря был мой одноклассник Нясрулла Алукаев. Он был старше меня на три года, уже кандидат в члены ВКП(б). Активный комсомолец, он был уже назначен заведующим отделом пионеров райкома комсомола, мечтал стать военным, но не осуществил своего желания. В том сезоне я рассчитался в лагере раньше на 15 дней, так как получил вызов на экзамены в Казанский химико-технологический институт. В это время в лагере произошло ЧП. В пруду утонул мальчик. На начальника лагеря завели уголовное дело, и расследование затянулось. Его защищал секретарь райкома ВЛКСМ Салимов, оба они были из Лямбиро и дружили. Конечно, вины Алукаева в ЧП было мало — недоглядели вожатые. Но, как правило, ответственность за несчастные случаи нес начальник лагеря.

Через некоторое время дело закрыли, Алукаева оставили заведующим отделом пионеров.

И все же меня не миновала эта должность. Причиной освобождения Алукаева послужило его письмо, написанное Сталину, в котором он критиковал секретаря РК ВКП(б) Рыжова. Тот разозлился и потребовал «выгнать» его из райкома ВЛКСМ, в результате чего я и стал заведующим отделом пионеров. В течение года я жил в Лямбиро один без семьи, оттуда ушел в Красную Армию в ноябре 1939 года.